

Крошечный пухлый Вэйвэй сидел на пороге маленького деревянного домика и перебирал только что сорванные травы.

Увидев приближающегося Лу Хуайюя, он поприветствовал его:

— Цинкун, ты пришел, садись.

Он заново выбрал себе имя и теперь звался Цинкун.

Лу Хуайюй подошел, сел на деревянный стул и принялся наблюдать, как Вэйвэй старательно, стебелек за стебельком, сортирует травы: у одних он обрывал листья, оставляя лишь корни, у других, наоборот, отбрасывал корни, оставляя лишь ветки и листву. Все эти травы казались Лу Хуайюю совершенно одинаковыми, и он не мог не дивиться тому, как ловко Вэйвэй умеет различать их одну за другой.

Понаблюдав добрую половину дня, Вэйвэй наконец закончил разбирать корзину с травами и выпрямился. Заметив, что Лу Хуайюй внимательно за ним наблюдает, он спросил:

— Что, интересуешься китайской медициной?

Китайская медицина?

Лу Хуайюй слегка удивился:

— Это врачебное искусство Расы людей?

Вэйвэй кивнул:

— Да, я с большим трудом обучился ему в местах обитания восточной Ветви Расы людей. Если объединить его с нашей собственной медициной, я считаю, что у обоих направлений есть свои сильные стороны. Мы лучше умеем обращаться с ядами, а Раса людей — исцелять. Если тебе интересно, я могу научить тебя!

Услышав это, Лу Хуайюй действительно заинтересовался:

— Я могу учиться?

— Конечно! Я как раз ломаю голову над тем, что мне некому передать свои знания. Сам знаешь, молодежь у нас не задерживается, все разъезжаются кто куда искать свою судьбу. А старикам начинать учиться уже поздно: их силы и память уже не те, что у молодых. Если хочешь учиться, приходи каждый день на два часа, я буду тебя обучать. Освоишь — сможешь

вместе со мной помогать жителям городка поправлять здоровье, и мне больше не придется крутиться в одиночку целыми днями.

Военное ведомство, кабинет Великого маршала.

Государственный переворот начался настолько неожиданно и стремительно, что Ассоциация защиты самцов и Вторая армия, поддерживавшие императорскую семью, совершенно не успели опомниться, и этим воспользовались Гэлин Фаньдэси и его сторонники. Получив хоть немного передышки, те тут же начали контратаку.

Видя, что Вэйвэй действительно хочет его научить, а самому ему всё равно делать нечего днями напролет, и лишний навык никому не помешает, Лу Хуайюй немного подумал и ответил:

— Хорошо, я буду приходить к тебе каждый день, только чур не смейся надо мной, если я окажусь тугодумом.

Императорская семья вовсе не потерпела сокрушительного поражения.

Бывший государственный переворот полностью утих, и в стране снова воцарились мирные дни. Напротив, в Море Хаотичных Звезд Империя Синей Луны и Империя Красной Реки из-за месторождений серебряных звезд сошлись в такой жестокой схватке, что головы друг другу готовы были размозжить, сцепившись насмерть. Судя по всему, мирного времени им не видать еще долго.

Влияние Ассоциации защиты самцов значительно сократилось, но у нее всё еще оставалось определенное право голоса. Самое главное заключалось в том, что Вторая армия неизменно стояла с ними плечом к плечу.

Сегодня Император Жуков лично позвонил ему в кабинет и сказал, что хочет увидеться, — интересно, по какому поводу.

Император Жуков умом и деловыми качествами не отличался, но в Ассоциации защиты самцов хватало способных жуков, а вдобавок ко всему имелась мощнейшая поддержка Второй армии. И самое главное — гибель Третьего принца Лу Хуайюя отрезвила потерявших голову граждан. После этого две силы замерли в противостоянии.

Однако жизнь некоторых жуков уже никогда не вернется в прежнее русло...

Гэлин прочно утвердился на посту Великого маршала, став полновластным хозяином Империи Черного Скорпиона.

Императорская семья по-прежнему обитала во Императорском дворце, ведя затворнический образ жизни. Великий маршал остался в военном ведомстве и никуда не переезжал, лишь

выделил новую зону специально для себя и своих подчиненных, чтобы заниматься государственными делами.

Так Лу Хуайюй остался в тихом городке Древоидов и день за днем начал свое путешествие в мир медицины.

Услышав его согласие, Вэйвэй очень обрадовался:

— Никто над тобой смеяться не станет, главное — подходи к делу серьезно.

Особенно в том, что касалось боевой мощи: на стороне императорской семьи выступала лишь Вторая армия, тогда как у повстанцев было безоговорочное содействие остальных четырех армий. В конце концов императорской семье пришлось отойти на задний план.

Как бы то ни было, с внутренней смутой в Империи Черного Скорпиона было покончено быстро, и дни потекли своим чередом, гладко и привычно.

Императорская семья удалилась на покой, превратившись в нечто вроде живых талисманов, и больше не имела возможности вмешиваться в государственные дела.

Первый адъютант Великого маршала, а ныне фактически человек, стоявший под одним жуком и выше миллионов других, — Морс вышел из своего кабинета и направился к парковке. Встречные жуки почтительно отдавали ему честь.

Морс кивком отвечал каждому, спустился на лифте на подземную парковку, сел в свой флаер и, мчась быстрее ветра, покинул военное ведомство, направляясь в сторону Императорского дворца.

Жизнь текла мирно и насыщенно, подобно реке в тихом городке, и время безмолвно уходило вдаль.

Раса жуков, Империя Черного Скорпиона.

И все же силы императорской семьи в конечном счете уступали силам повстанцев.

Через полчаса он прибыл во Императорский дворец и, выйдя из машины, направился к покоям Императора Жуков.

Морс бывал здесь прежде множество раз и уже привык к тому, что это место утопает в зелени, а вокруг то и дело снуют жуки. Теперь же, увидев всё это внезапно опустевшим и безмолвным, он невольно преисполнился глубокой грусти.

Обладать властью и не обладать ею — вот в чем разница.

Проходя мимо пруда с золотыми рыбками, он заметил самца, который сидел на краю бортика, погруженный в задумчивость. В руке тот держал корм для рыбок и лениво, то и дело замирая, бросал его в воду. Приглядевшись к золотым рыбкам в пруду, Морс подумал, что они уже не казались такими тучными и упитанными, как прежде.

Морс остановился и отдал самцу воинское приветствие:

— Второй принц.

Лу Хуайцзинь поднял голову, взглянул на него, но тут же перевел взгляд обратно на воду и безразлично бросил:

— Это ты, Морс.

Лу Хуайцзинь сильно похудел, его щеки ввалились. В паре его черных глаз вместо прежнего легкомыслия теперь залегло тихое спокойствие.

На первый взгляд этот взгляд был до боли похож на взгляд Лу Хуайюя.

Морс остолбенел и долго не мог сдвинуть с места ни единой ноги.

Заметив, что тот не спешит уходить, Лу Хуайцзинь снова поднял на него глаза. Помолчав, он произнес:

— Я так и не поблагодарил тебя за то, что в тот день ты позвал для меня врача.

Слова затихли, но в ответ долгое время не доносилось ни звука. Морс так и стоял на прежнем месте, глядя на него отсутствующим взором, не произнося ни слова.

В глазах Лу Хуайцзиня мелькнуло удивление, и он снова посмотрел на Морса:

— Разве тебя не звал Император? Почему ты еще не ушел?

Услышав это, Морс наконец очнулся от оцепенения, попрощался с ним и зашагал прочь.

Пройдя уже изрядное расстояние, он все же не удержался и оглянулся.

Лу Хуайцзинь по-прежнему сидел на краю пруда, лениво подкармливая золотых рыбок.

Прежде он был полон дерзкой энергии, целыми днями пропадая в компаниях шумных друзей, а теперь коротал время в обществе золотых рыбок.

Пруд выглядел запущенным и грязным — к нему уже давно никто не прикасался. А сидевший на его краю Лу Хуайцинъ, у которого даже не было протеза, казался еще более одиноким и несчастным.

Глядя на его унылый вид, Морс словно воочию видел одинокую фигуру Лу Хуайюя, и на душе у него скребли кошки.

Добра еспрёсе до покоев Императора Жуков, он увидел, что прежде пухлый и круглый Император сидит за садовым столом и пьет чай. Он тоже сильно исхудал, даже живот опал.

Завидев приближающегося Морса, Император просиял и поспешно позвал:

— А, ты пришел! Иди сюда, скорее садись.

Морс отдал ему честь, опустился на стул, снял фуражку и положил ее рядом, выпрямив спину.

Император Жуков добродушно рассмеялся:

— Не будь таким суровым! Ну же, выпей чашку горячего черного чая, попробуй это печенье, только из печи, очень вкусное...

Казалось, он тоже страдает от одиночества.

Сердце Морса дрогнуло, он сделал глоток чая, съел печенье и сказал:

— Очень вкусно, благодарю вас.

— Правда? Я же говорил! Давай-давай, съешь еще...

Осушив чашку черного чая, Морс наконец задал вопрос:

— Зачем вы велели мне прийти сегодня? Что-то случилось?

— Ну... понимаешь... — Император потер руки, явно не зная, с чего начать.

Морс мягко улыбнулся и произнес:

— Третий Его Высочество ко мне очень хорошо относился... Так что не переживайте, всё, что в моих силах, я непременно исполню.

Прошел уже больше месяца, но стоило заговорить о Третьем высочестве, как эта пронзительная боль словно бы немного притупилась. Она превратилась из устрашающей кровоточащей раны в глухую тоску, проникшую в самую кость и кровь. Она больше не бросалась в глаза так явно, но от этого становилась лишь бесконечной.

Услышав, как он упомянул Третьего принца, Император Жуков словно вмиг постарел на десяток лет. Его плечи поникли, шея втянулась в плечи, и он глухим голосом пробормотал:

— Малыш Третий...

Шмыгнув носом, он взял себя в руки, с трудом напустил на себя бодрый вид и сказал Морсу:

— Я позвал тебя сегодня как раз из-за Малыша Третьего... До сих пор его не похоронили, и даже мне не разрешают на него взглянуть. Чего добивается Гэлин?

— Это... — Морс и сам не знал, что ответить. Впрочем, с того самого дня, как он покинул дворец, он больше не видел Третьего высочества.

Днем Великий маршал выглядел совершенно нормально: он работал с прежней эффективностью — собранный и сильный, казалось, он ни капли не изменился и остался всё тем же Гэлин, что и прежде. Но так ли это на самом деле?

Морс теперь даже не смел смотреть ему в глаза, ему постоянно казалось, что прежде до боли знакомые серые зрачки Великого маршала превратились в бездонные омуты, в которых невозможно было разглядеть истинные чувства.

Иногда ему казалось, что перед ними сидит лишь пустая оболочка Великого маршала. А его душа... быть может, она погибла вместе с гибелью Третьего высочества? И даже если она не разрушилась до конца, то, кажется, уже... невыносимо исказилась.

Честно говоря, сейчас ему даже не хотелось оставаться с ним наедине — от этого по спине бежали мурашки.

Но Император Жуков беспокоился не зря: разве мог Третий принц оставаться непогребенным? На что это было похоже? Человек — то есть жук — уже мертв, неужели ему не дадут обрести покой?

Заметив задумчивый вид Морса, Император с умоляющей интонацией в голосе произнес:

— Морс, разыщи Гэлин, уговори его! Малышу Третьему давно пора на покой. Сколько дней прошло, а тело... тело ведь уже наверняка изменилось, на него страшно смотреть. Он ведь был таким тщеславным жуком, если бы он узнал об этом на том свете, ему было бы так больно...

По мере того как он говорил, глаза Императора покраснели.

Только теперь Морс заметил, что черные прежде волосы на висках старика покрыла седина.

Морс глубоко вздохнул, взял фуражку, надел ее, поднялся на ноги и произнес:

— Не беспокойтесь, я и сам собирался заехать к дому Великого маршала. Вы правы, Третьему высочеству пора обрести покой в земле.

С этими словами он снова отдал Императору честь, развернулся и решительно зашагал прочь.

— Дай бог, чтобы у тебя получилось... — пробормотал Император Жуков, глядя вслед удаляющейся фигуре.

<http://bllate.org/book/24066/2766708>